

ЗАМЕТКИ О РЕГИОНАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ СТАРОВЕРОВ ЛАТГАЛИИ*

В статье отмечается существование двух противопоставленных друг другу традиций имянаречения у славян, обнаруживающих закономерности, которые наблюдаются в настоящее время в русском и сербском языках. Первая традиция следует церковнославянскому образцу, тогда как вторая предполагает возможность называния ребенка именем, обозначающим также и многие явления в окружающем человека мире. В центре внимания автора находится старообрядческая традиция имянаречения, ориентированная исключительно на святцы. С этой целью исследуется региональная антропонимическая лексика староверов Латгалии, зафиксированная в подаваемых в храме поминальных книжках и записках староверов. Большой корпус имен, используемых прихожанами, представлен в «Пособии к поминальной книжке», которое подробно анализируется в работе как источник региональной просторечной антропонимической лексики и как инструмент ее правки с помощью церковнославянской орфографии. Современные интенции составителей пособия находятся в полном соответствии с тенденциями исправления любых отступлений от канонической формы, как это и происходило на протяжении всего развития старообрядческого движения. Материал записок, собранный авторами «Пособия к поминальной книжке», обнаруживает разнообразие разговорных форм имен староверов, в ряде случаев до этого времени не отмеченных в источниках и свидетельствующих об исторических процессах образования новых имен и фамилий на их основе. Анализ сопровождаются тексты и диалоги об имени, содержащие комментарии и объяснения особенностей имянаречения:

* Авторская работа выполнена в рамках проекта РНФ № 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

© Плотникова А. А., 2019

записанные в полевых условиях у староверов Латгалии в 2016–2017 гг., они дополняют и иллюстрируют описываемую ситуацию в «этнографическом настоящем». Сравнение с южнославянской традицией имянаречения показывает, как, с другой стороны, мотивация выбора имени может быть напрямую связана с ритуально-магической практикой, что вплоть до наших дней практикуется у сербов.

Ключевые слова: славянские литературные языки, имянаречение, церковно-славянская традиция, диалектные черты, просторечие, поминовение, староверы Латгалии.

Хотелось бы начать разработку интересующей нас темы с размышлений о двух противопоставленных традициях имянаречения у славян в настоящее время — восточнославянской и южнославянской. Первая следует преимущественно церковнославянскому образцу, тогда как вторая предполагает возможность называния ребенка именем, обозначающим также и практически любое явление в окружающем человека мире (растительном, животном; из астрономии, метеорологии и т. п.), о чем, в частности, свидетельствуют словари личных имен у сербов [см., например: Грковић, 1977; Стевановић, 2014].

До сих пор вторая традиция жива и активно развивается в православном мире сербов и болгар. В сегодняшнем имянаречении (например, у сербов) представлены многие тематические пласты нарицательной лексики, в том числе из сферы природы: *Зора* «Заря», *Зорица* «Зорька», *Ружа* «Роза», *Ружица* «Розочка», *Вишня* «Вишня», *Јагода* «Клубника», *Дуња* «Айва», *Малина*, *Голуб* «Голубь», *Весна* и т. д. Многочисленны и случаи, когда прибегают к своего рода этимологической магии: так, полагают, что новорожденного следует назвать именем с внутренней формой, «останавливающей» череду нежелательных событий (чтобы в семье не умирали дети или чтобы прекратить рождение девочек), откуда по большей части имена *Стојан*, *Стојадин*, *Станка*, *Станимирка* и под.¹ [подробнее см.: Толстой, Толстая, 1998]. Согласно народной традиции, родившихся в канун праздника Рождества (серб. *Божих*) называют соответственно *Божан* или *Божана*. Классификацию случаев имянаречения в соответствии с разными аспектами народной духовной культуры сербов приводит Т. Вуканович; в частности, он анализирует большой корпус имен, которые появляются в случае, когда родители ребенка стремятся защитить его от болезни и вредоносных демонических сил, прибегая при этом к названиям птиц и животных, растений, небесных тел и атмосферных явлений, металлов и др. [см.: Вукановић, 1940, 61–67]².

¹ Уместно вспомнить и происхождение имени Вука Караджича, названного «Волком» (серб. *вук* 'волк'), чтобы дети в семье больше не умирали. Ср. то же у болгар при переименовании ребенка в случае его болезни: [Седакова, 2007, 171].

² Нельзя не упомянуть, что в сербской или черногорской аудитории при чтении докладов на тему имянаречения у балканских славян неизменно всплывает какой-либо случай из жизни самих ученых-слушателей. Так, выступая на «VIII Кирилло-Мефодиевских чтениях» в Риме (2018), автор услышала историю имянаречения в семье известного сегодня ученого родом из Черногории:

По нашему предположению, наличие столь разных тенденций в русском и сербском имяназвании типологически соотносимо с процессами становления славянских литературных языков, в частности сербского (как наиболее удаленного от церковнославянской основы) и русского (как наиболее к ней приближенного). В монографии «История и структура славянских литературных языков» Н. И. Толстой пишет о близости сербского литературного языка к народно-поэтическому койне («плод развитой фольклорной традиции, богатой эпическими жанрами и устойчивыми поэтическими средствами» [Толстой, 1988, 20]) и о максимальной удаленности от него русского языка (как и чешского, польского), где роль фольклорной традиции и фольклорного языка малозаметна из-за того, что язык сохраняет в значительной мере давнюю книжную традицию [Там же]. Аналогичные процессы находят отражение и в сложившейся традиции имяназвания по святым (т. е. по именам святых), а не как-либо иначе, сохраняемой сегодня у староверов в полном объеме.

В классических работах по русскому имяназванию прослеживаются исторические этапы становления русской традиции, основной вехой которого стало принятие христианства и появление имен, которые получены при крещении, — они отмечены в церковном календаре, восходят к византийским именам и соответствуют именам святых православной церкви [подробнее см.: Унбегаун, 1989, 11–12; Успенский, 1994, 155–163]³. Исследователи отмечают, что вплоть до XVII в. сохранялась практика давать ребенку в дополнение к крестильному еще и мирское имя (прозвище) [Унбегаун, 1989, 11]. По мнению Б. А. Успенского, в остаточных формах дуализм личных имен прослеживается и позднее, после XVIII в. [Успенский, 1994, 155]. Соответственно, функциональное разграничение использования мирского и крестильного имен становилось значимым при поминовении усопшего. Так, в начале XX в. Н. М. Тупиков писал: «...мы думаем, что до XIII века (до половины его) главным именем князей было их мирское, “княжое” имя, а данное им при крещении церковное употреблялось главным образом при упоминании их кончины. Может быть, летописец делал это указание с целью, чтобы дать потомству возможность по м и н а т ь н а м о л и т в а х у с о п ш и х к н я з е й <разрядка наша. — А. П.> (впрочем, как это видно из памятников, усопших поминали и под русскими именами)» [Тупиков, 1903, 6]. Для современных староверов зарубежья ситуация, упомянутая в скобках, совершенно невозможна:

сестру матери, первой в семье девочки, назвали *Станислава*, поскольку в этом имени заключена форма повелительного наклонения глагола «останавливаться» (*стани* — букв. «остановись»), чтобы далее рождались мальчики; поскольку это не помогло, третью девочку нарекли *Загорка* — именем, в котором прослеживается обозначение некоего далекого места проживания детей женского пола (*за гором* — «за лесом»), после чего в семье родился сын.

³ В данном случае мы не касаемся многочисленных условий династического имяназвания, подробно описанных в книге А. Ф. Литвиной, Ф. Б. Успенского [2006].

отпевать и затем поминать по старообрядческим нормам можно лишь под именем, данным при крещении в древлеправославной церкви.

Во время экспедиции к староверам Латгалии (2016–2017)⁴ в моленной г. Лудзы наставник и его супруга показали нам печатное «Пособие к поминальной книжке» [ППК], изданное в Риге Гребенщиковской общиной и призванное дать прихожанам образец для правильного ведения так называемого персонального поминальника (*поминания*), или, как он здесь именуется, поминальной книжки.

У староверов Латгалии (регион Даугавпилса, Прейли, Резекне, Лудзы) существует два типа книжечек, которые заполняются от руки: это книжица о посещении ими покаяния (исповеди) и поминальная книжка (*помянник*), известная также и православным, но имеющая, разумеется, свою специфику. Приведу характерный разговор со старовером родом из белорусского села на пограничье с Латвией:

Информант: Ходим на исповедь перед праздником, два раза в год, перед Рождеством и перед Пасхой, вот выдается такая книжка, споведальник, отмечается, вот, 2016 год, штампик ставят.

Собиратель (смотрит на штамп): У вас Жилко.

Информант: Жилко у нас, я ежую туда.

Собиратель: Штампик о чем?

Информант: Что прошел исповедь, был на исповеди я, два раза, но я, правда, раз в год хожу, а это, сегодня эта книжка, здесь умерши.

<...>

Собиратель: А кто так пишет?

Информант: Это тоже, из храма, в моленной, не церковь, а моленная у нас считается... Вот как получается, вот в староверах, сначала мушъщины, потом вот так перелистываем, здесь женшъщины умерши, а это все подряд, это тоже они пишут, сегодня подаю, он всех поминает, кабы он там не искал там, этот старичок, ему вот это сделано, сначала мушъщины, потом женшъщины... (д. Малинова, Даугавпилский край, запись 2016 г., расшифровка А. А. Плотниковой).

Показанное нам пособие — своего рода образец того, как церковнославянская традиция может служить способом коррекции и исправления русской региональной антропонимической лексики. Во вводной части анализируемого рижского издания «О поминовении усопших» даются определения основных атрибутов обряда поминовения, в частности: «Поминание — это небольшая книжка с записанными в ней для молитвенного поминовения именами всех усопших родственников», тогда как «канон — это отдельный листок-вкладыш в поминальную книжку. В канон записываются имена только наиболее близких владельцу поминания людей, кто наиболее дорог» [ППК, 3]. В данном случае

⁴ Полевые исследования сотрудников Института славяноведения РАН 2016–2017 гг. в Латгалии были ориентированы на изучение языка и этнокультурной ситуации у староверов этого региона Латвии и проводились с целью собрать этнолингвистический, диалектологический и социолингвистический материал.

термин *канон* получает исключительно региональное значение (ср. диалектные значения лексемы и трансформацию ее семантики в недавней работе [Осипова, 2017, 470–472], где *канон* — ‘местный праздник’, ‘канун праздника’, ‘день поминовения умерших’, ‘поминки’, ‘первая годовщина со дня чьей-л. смерти’ и др.).

Для правильного заполнения поминальной книжки в «Пособии» имеются разделы преимущественно прикладного назначения, что связано с большой путаницей в именах при подаче записок для поминания, ср. одно из объяснений в устной беседе с местными жителями:

...у каждого [старовера] по три-четыре [имени], потому что есть церковная форма, да, например *Киприан*, есть паспортное, например *Киприян*, а называли, конечно, *Куприян*⁵, и это хорошо, чтобы такое имя, а есть имя, которое вообще, и прозвище, прозвище плюс пять имен, производные, потому что там такие имена были староверовские, что, не сломав язык, отдельные имена не произнесешь (г. Прейли, запись 2016 г., расшифровка Г. П. Пилипенко).

Раздел «Правила записи церковных имен в поминание и канон» открывается указанием на три строгих ограничения относительно записи имен в поминальную книжку: во-первых, нельзя вписывать имена иноверцев, т. е. людей, не принадлежавших к старообрядчеству, с уточнением о том, что можно указывать усопших только поморского и федосеевского толков. Во-вторых, сразу оговаривается условие, при котором церковь совершает христианское погребение: «Нельзя записывать имена умерших без покаяния, некрещеных, самоубийц» [ППК, 7], что не раз подтверждалось в беседах с латгальскими староверами:

Наставник: Это для чего еще нужно — если, не дай Бог, кто, все мы, как говорится, под Богом ходим, смертны, т. е. когда приходит погребение заказывать, первый вопрос у всех наставников: «Был ли на покаянии?» — «Был». — «Вот был когда?» Смотрим, значит, проверяем.

Прихожанка: Потому что, если не был, другая служба идет.

Наставник: Если не был, тогда вселенская панихида, а имя не вспоминается. То есть практика такова, что... А раньше было совсем строго! Раньше было так: если не был на покаянии, то не хоронили вообще. Не отпевали, не служили, ничего. А потом уже как бы смягчилось то обстоятельство, времена тяжелые, все, т. е. посчитали нужным вселенское погребение, панихида, т. е. та же вселенская панихида, которая вот и в родительские дни, на родительской неделе, ее вот читаем (г. Лудза, запись 2017 г., расшифровка А. А. Плотниковой).

Здесь следует отметить необходимость предоставления наставнику, к которому обратились за отпеванием усопшего, документа. Это может быть книжечка

⁵ Сосуществование форм *Куприан* / *Киприан* (*Куприян* в разговорной речи), очевидно, связано с изменением произношения ипсилон у греков, о чем писал Б. А. Успенский, отмечая при этом, что «данное противопоставление актуально и до сего дня, способствуя разграничению литературных и просторечных версий собственного имени» [Успенский, 1969, 248].

с отметками и штампами о посещении старовером исповеди (*покаяния*) под Пасху, Рождество или запись в журнале, который ведет сам наставник.

Третье условие напрямую связано с анализируемой темой: «Имена, которых нет в старообрядческих святцах, в поминание не записываются» [ППК, 7]. Их список, например, ежегодно размещается в старообрядческом календаре. Кроме того, имена, предоставленные настоятелю, следует правильно записывать в подаваемых в храме поминальных книжках или записках староверов, чему и посвящено пособие.

Имена произносятся вслух в моленной, поэтому с точки зрения светского человека в ряде случаев их орфография и — тем более — графика не должны иметь принципиального значения. Разумеется, это не так для церковнославянской традиции, которая в данном случае выступает как средство исправления региональной антропонимической лексики у староверов Латгалии. В реальности возможны и такие случаи:

Я щас Красанова по мужу, урожденная Ощенкова Гликерия, имя довольно-таки редкое, *Кирисёевна*, но я в святцах искала, папа двадцатого или какого-то октября, *Кирисёй*. Такого в святцах нет, но есть *Кёлсий*, и я думаю, что метрика была выписана, *Кёлсий*, отец, но, поскольку довольно редкое и трудное имя, а тут в паспортных столах и менялись и по нациям работники, и по уровню образования, преобразовали сначала в *Келисёй*, а после войны даже в *Кáлисей*, и последние две сестры у меня *Кáлисеевны* даже⁶ (г. Лудза, запись 2017 г., расшифровка Г. П. Пилипенко).

С целью правильного заполнения поминальных книжек и канонов и для удобства верующих дается внушительный «Полный алфавитный список имен святых, составленный по святцам, Прологам и Четьям-Миньям (в родительном падеже)». Отмечено, что список издается впервые. В дополнение к списку имеется раздел, названный составителями «Список просторечных форм имен святых с их правильным церковным написанием». Этот список представляет собой таблицу, где в левом столбце даются просторечные формы имен, встречающиеся у староверов исследуемого региона (например, *Изот*, *Лифан*, *Маремьяна* и т. д.) «в искаженной, народной форме». Церковное же написание искомым форм (здесь и далее даются справа) свидетельствует о редкости выбора этих имен при крещении, например, у православных (*Изот* — ц.-слав. *Зотик*; *Лифан* — ц.-слав. *Внифантий*; *Маремьяна* — ц.-слав. *Мариамия*; и т. д.). Этот список намного короче

⁶ В описанной ситуации далекая от исходного, видоизмененная версия имени объясняется, по-видимому, сложной для произнесения формой с ударением на последнем слоге: *Келсий* (см. *Кельсий* в современной и великорусской канонической форме в таблице Б. А. Успенского, который разговорную форму, однако, не фиксирует [Успенский, 1969, 188, 322]), что способствует появлению полногласия с дальнейшими чередованиями в основе (*Келисёй* / *Калисёй* / *Кирисёй*). Информантка произносит каноническое *Кёлсий* с ударением на первом слоге, что по правилам того же пособия подлежит исправлению [см.: ППК, 23].

полного, он дается именно для сложных случаев, когда просторечное имя сильно видоизменено, а поиск церковнославянского аналога может вызвать большие затруднения. Соответственно, в этом списке не найдем таких имен, как, например, *Наталья* — *Наталия*, *Надежда* и под., которые тем не менее в полном списке даются в церковнославянском написании. От прихожан требуется подавать поминальные книжки или записки, правильно и точно отобразив церковнославянское написание имени, включая диакритические знаки. Как известно, знание церковнославянского языка самими староверами зарубежья осознается как характерная черта идентификации представителей данной этноконфессиональной общности (и в этом состоит специфика значения прилагательного *грамотный* в среде староверов не только на севере Европы, но и на юге — у липован Румынии).

По поводу двух приведенных списков следует также отметить, что если в «просторечном» списке и мужские, и женские имена приводятся вместе, то в полном церковнославянском мужские и женские имена даются отдельно — согласно принятой традиции раздельного моления мужчин и женщин в пространстве храма, раздельных списков вопросов во время исповеди и т. д. Соблюдается иерархия записи имен и в поминальной книжке. Мужских имен, как и во всех подобных случаях, намного больше, чем женских, например, в «просторечном» (общем) списке — всего 9 женских имен из 70.

Последовательно применяемый поиск правильного написания имени на церковнославянском может начинаться с приведенного в конце пособия «просторечного» списка, затем верующий может уточнить правильное написание имени (в церковнославянской орфографии с ударением) в «полном» списке. «Полным» этот список называется прежде всего потому, что основан он на книжной традиции (календарных именах), тогда как «просторечный» (в нем ударение отсутствует) опирается на рукописные документы прихожан Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, т. е. включает встретившиеся когда-либо (в записках, составленных наспех в храме, или даже поминальных книжках) составителям пособия реально упоминаемые имена староверов в данном регионе.

Диковинные с точки зрения нынешнего времени имена староверов (прежде всего поминаемых старших родственников)⁷ возникали, по всей видимости, как маркер староверческой традиции имянаречения, когда имя ребенку нарекается на восьмой день после рождения. Отсюда происходит большое разнообразие используемых имен, досконально «выбранных» из святцев на коротком календарном промежутке времени. При этом старались дать имя, по календарю ближайшее

⁷ Ср. один из диалогов со староверами:

Собиратель: Как староверы выбирают имя?

Информант 1: Сейчас — как получается, а раньше выбиралось.

Информант 2: По святцам.

Информант 1: Именно по дням, поэтому и имена такие были там...

Информант 2: Интересные (г. Даугавпилс, запись 2017 г., расшифровка Т. И. Ганенковой).

ко дню рождения ребенка (желательно в честь святого, память которого отмечается в этот или следующий после рождения ребенка день). Например:

...выбирали вот по календарю, вот в который день родился, и вот шо там написано, какое имя, на таком и крестили, от, к примеру, моего мужа, он родился 28 декабря, а у него 29 декабря по старому календарю *Агей*, вот его покрестили *Агеєм* (с. Спрукты, Даугавпилсский край, запись 2016 г., расшифровка Г. П. Пилипенко).

Или:

Информант: А имена тоже давали все староверские, все какие.

Собиратель: А какие?

Информант: А по книжкам, по книге вот божественной, или в батюшки спросим, придем вот, какое первое имя, — и так (г. Даугавпилс, запись 2016 г., расшифровка Г. П. Пилипенко).

Или:

Собиратель: А вот как ребенку имя давали?

Информант: Давали... ну, например... вот 30-го, как у меня, *Вера*, *Надежда*, *Любовь* в сентябре, меня нарекли *Любой*, *Любовью*. Или была бы я 25-го в сентябре, ну какое ближнее имя, ну вот это и есть, из трех выбираешь. То поп выбирает (с. Малта, Прейльский край, запись 2017 г., расшифровка Т. С. Ганенковой).

Впрочем, отмечен случай имянаречения по святцам на девятый день после рождения:

Собиратель: А имя как давали?

Информант: А имя давали так. Вот, например, я родилась 28 ноября. Дедушка мой захотел, что *Катериной* назвать. Уот он девять дней раньше можно имя, девять дней поздней. Мое вроде бы поздней девять дней. Это *Екатерина мученица* 7 декабря, а я в ноябре 28-го. Уот девять дней, и как раз меня назвали, *Екатерина мученица* (с. Ермаки, Прейльский край, запись 2017 г., расшифровка Т. С. Ганенковой)⁸.

Обратившись к «просторечному» списку, замечаем, что по сути мы имеем дело с фонетической записью имени в обоих случаях: слева — как отражение в подаваемых поминальных книжках, справа — как «исправление», правильное произнесение, но не написание имени (имена в церковнославянской графике в родительном падеже даются в «полном» списке). Поэтому неудивительно, что в левом столбце наблюдается отражение таких диалектных черт, как аканье (*Ануфрий* — *Онуфрий*, *Сазон* — *Созонт*), в том числе аканье, возникающее

⁸ Отметим, что у сербов в случае использования имен христианских святых мотивация выбора имени может быть напрямую связана с общей для традиции ритуально-магической практикой: например, в Косово ребенку никогда не давали имя того святого, день которого по календарю уже прошел, «да не би детету ишао назадак» <чтобы ребенку не сопутствовал неуспех> [Вукановић, 1940, 69].

вместе с перемещением ударения и видоизменением основы (*Фатьян — Фотий*)⁹, метатеза (*Фрол — Флор*), замена *ф* на *п* (при общем сокращении основы), что характерно для диалектов русского языка в целом (*Панас — Афанасий, Осип — Иосиф*), а также, наоборот, *ф* на месте *х* (*Малофей — Малахия, Евтифей — Евтихий, Евстифий — Евпсихий*), что, возможно, связано с поздней гиперкоррекцией произнесения *ф* на месте, где его никогда не было.

Для всего списка в целом характерны явления, типичные для разговорной речи (т. е. имена писались так, как слышались), что представляет собой одно из ценных свидетельств тенденции возникновения новых основ для возможных имен, а также фамилий, если иметь в виду историческую ретроспективу. К таким явлениям можно отнести упрощение групп согласных в середине имени, нередко с утратой слога (*Ефросин — Евфросин, Ефимия — Евфимия, Елферий — Елевферий*¹⁰ и т. д.), в ряде случаев — ассимиляцию начальной гласной (*Астафий — Евстафий*). Многочисленны также случаи упрощения групп гласных в начале имени (*Аникий — Иоаникий, Аким — Иоаким, Ерон — Иерон, Ерофей — Иерофей*, и т. д.). В целом для просторечных форм имени в отличие от церковнославянских характерна тенденция к упрощению трудно произносимого слова, в результате чего сокращается «лишняя» гласная в начале имени (*Киндин — Акиндин, Кипсим — Акепсим, Ларион — Иларион, Сидор — Исидор*), отпадает окончание *-ий* (*Панкрат — Панкратий, Панас — Афанасий*¹¹ и т. д.). Короткие имена в святцах, наоборот, могут в просторечии удлиняться: *Минай, Миней — Мина, Силантий — Сила*. Сами староверы подчеркивали, что как раз короткое имя может характеризовать их древние конфессиональные корни:

Собиратель: А по отчеству как?

Информант: Миновна.

Собиратель: Это как же отца звали?

Информант: Мина, самое староверское старинное имя, Мина, да, с четырех букв (с. Силенэ, Даугавпилсский край, запись 2016 г., расшифровка Г. П. Пилипенко).

Видимо, в последних случаях прихожане стремились записать имена в поминальной книжке / записках так, чтобы они были максимально похожи на церковнославянские, по образцу многих других (*Гурий, Фотий* и т. п.)¹².

⁹ Ср. противопоставление, с одной стороны, современной (и старой юго-западной) канонической формы (*Фотий*) и, с другой, разговорного варианта, отражающего старую великорусскую каноническую традицию (*Фотей*), в работе Б. А. Успенского [1969, 191].

¹⁰ Староверческая просторечная форма *Елферий* в списках Б. А. Успенского не отмечена, для канонического *Елевферий* ученый приводит разговорную форму *Алфёр*, откуда распространенная фамилия *Алфёров* [Успенский, 1969, 236].

¹¹ Ср. также усеченную форму *Афанас* [Успенский, 1969, 236].

¹² Б. А. Успенский пишет о процессах гиперкоррекции, причем список подобных удлинненных имен может быть гораздо больше, охватывая не только двусложные, но и трехсложные имена, дающие такие новообразования, как *Митрофаний, Феофантий* и др. [см.: Успенский, 1969, 238].

* * *

Таким образом, для староверов зарубежья, в данном случае Латгалии, следование церковнославянской традиции письма и чтения наблюдается на самых разных этапах жизни человека, от крещения до отпевания, а в случае поминовения его потомками — и после смерти¹³. Очевидно, что статус «правильного» христианского имени как раз через поминовение оказывается закрепленным посредством письменной церковнославянской традиции на очень долгое время, что не мешает существованию многочисленных просторечных форм имени с их последующей фиксацией на письме.

Материал записок, собранный авторами «Пособия к поминальной книжке», обнаруживает разнообразие разговорных форм имени староверов, в ряде случаев до этого времени не отмеченных в источниках и свидетельствующих об исторических процессах образования новых имен и фамилий на их основе. Разумеется, интенции составителей пособия находятся в полном соответствии с тенденциями исправления любых отступлений от канонической формы (ср. исторический контекст)¹⁴. В данном случае церковнославянская орфография выступает как инструмент исправления региональной просторечной антропонимической лексики, чему предшествует сбор различных возможных отступлений от нормы.

В книге «Древненовгородский диалект» А. А. Зализняк пишет о языческом имени или прозвище: «По-видимому, во многих случаях люди, названные только одним наименованием, реально имели и личное имя, и прозвище. С другой стороны, следует полагать, что все же не каждый человек имел прозвище: в противном случае вообще не возникло бы фамилий типа *Ивановъ*, *Петровъ*, которые в действительности составляют мощнейший пласт в составе современных фамилий» [Зализняк, 2004, 215–216]. Как видно на примере старообрядческой ситуации в Латгалии, даже если человек и имел прозвище, для поминовения в церкви (т. е. для потомков) это не было существенно, церковнославянская традиция в данном случае способствует сохранению календарного имени.

Структурно-типологический подход к классификации славянских литературных языков Н. И. Толстого раскрывает противоположные тенденции в истории их развития (особенно наглядно — на примере русского и сербского), которые в настоящее время проявляются и при имянаречении в соответствии с устоявшимися традициями, что для русского языка наиболее наглядно находит отражение в практике староверов.

¹³ Ср. то же на юге Европы — у липован Румынии.

¹⁴ Как известно, в XVII в. никоновские и послениконовские исправления богослужебных книг коснулись и личных имен святых, «при этом архаические — неправленные — формы сохранились в старообрядческом обиходе» [Успенский, 1969, 11].

Источники

- Грковић М.* Речник личних имена код Срба. Београд : Вук Караџић, 1977.
 ППК — Пособие к поминальной книжке. Рига : Издание Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, 2012.
Стевановић П. Речник имена. Београд : Завод за уџбенике, 2014.
Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903.

Исследования

- Вукановић Т.* Лична имена код Срба // Гласник Етнографског музеја. Књ. 15. Београд : Етнографски музеј, 1940. С. 56–74.
Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М. : Языки славянской культуры, 2004.
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М. : Индрик, 2006.
Осипова К. В. Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Славянский альманах. 2017. № 2. С. 463–478.
Седакова И. А. Новая прагматика архаических моделей: имена неоязычников // Имя: семантическая аура / под ред. Т. М. Николаевой. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 166–188.
Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М. : Наука, 1988.
Толстой Н. И., Толстая С. М. Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1998. С. 88–125.
Унбегаун Б. О. Русские фамилии / под общ. ред. Б. А. Успенского. М. : Прогресс, 1989.
Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен (история ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М. : Изд. Моск. ун-та, 1969.
Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Избр. тр. Т. 2 : Язык и культура. М. : Гнозис, 1994. С. 151–163.

Рукопись поступила в редакцию 18.09.2018

* * *

Плотникова Анна Аркадьевна
 доктор филологических наук,
 главный научный сотрудник
 Отдел этнолингвистики и фольклора,
 Институт славяноведения РАН
 119334, Москва, Ленинский пр., 32а
 Email: annaplotn@mail.ru

Plotnikova, Anna Arkadyevna
 DrHab, Principal Research Fellow
 Department of Ethnolinguistics and Folklore,
 Institute of Slavic Studies of the Russian
 Academy of Sciences
 32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
 Email: annaplotn@mail.ru

Anna A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

NOTES ON THE REGIONAL FEATURES OF PERSONAL NAMING AMONG THE OLD BELIEVERS OF LATGALE

The paper deals with the two opposed traditions of Slavic naming, explaining the patterns that are currently observed in the Russian and Serbian languages. The first tradition follows the Church Slavonic pattern, while the second suggests that a child's name can refer to a number of things in the surrounding world. The author focuses on the Old Believer tradition of naming, linked specifically to the holy calendar. For this purpose, the regional anthroponymic vocabulary of the Latgale Old Believers is studied, as it is recorded in their notes and memorial books submitted in the church. A large corpus of names used by parishioners is presented in the Guide to the Memorial Book which receives most close attention as a source of vernacular name forms and as a tool for their normalization using Church Slavonic spelling. The correction policy used by the modern compilers of the Guide is fully in line with the traditional Old Believer practice of avoiding any deviations from the canonical name form. At the same time, the notes collected by the authors of the Guide for the Memorial Book include a variety of colloquial forms of the Old Believer names, some of them previously unrecorded and uncovering the history of the formation of new names and surnames derived from them. The analysis is added by texts and dialogues about the name highlighting the peculiarities of the naming tradition: recorded during linguistic expeditions to the Latgale Old Believers in 2016–2017, they complement and illustrate the historical situation in the “ethnographic present”. The comparison with the South Slavic tradition of naming, on the other hand, shows that the name choice can be directly related to ritual and magical practice, which is still common with the Serbs up to the present day.

Key words: Slavic languages, naming, Church Slavonic tradition, dialectal features, vernacular, commemoration, Old Believers of Latgale.

Acknowledgements

The work was carried out as part of the Russian Science Foundation project 16-18-02080 “Russian Language as a Foundation for Preserving the Identity of the Old Believers of Central and Southeast Europe”.

- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Výbor imeni u russkikh knjazei v X–XVI vv. Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The Choice of Name among the Russian Princes in the 10th–16th Centuries. Dynastic History Through Anthroponymic Perspective]. Moscow: Indrik.
- Osipova, K. V. (2017). Traditsii upotrebleniia piva na Russkom Severe: etnolingvističeskii aspekt [Beer Drinking Traditions in the Russian North: An Ethnolinguistic Aspect]. *Slavianskii al'manakh*, 2, 463–478.
- Sedakova, I. A. (2007). Novaia pragmatika arkhaiskikh modelei: imena neozazyčnikov [The New Pragmatics of Archaic Models: The Names of the Neopagans]. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Imia: semanticheskaia aura* [Name: The Semantic Aura] (pp. 166–188). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

- Tolstoy, N. I. (1988). *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov* [History and Structure of Slavic Literary Languages]. Moscow: Nauka.
- Tolstoy, N. I., & Tolstaya, S. M. (1998). Imia v kontekste narodnoi kul'tury [The Name in the Context of Popular Culture]. In *Problemy slavianskogo iazykoznaniiia. Tri doklada k XII Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Problems of Slavic linguistics. Three Reports to the 12th International Congress of Slavists] (pp. 88–125). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Unbegaun, B. O. (1989). *Russkie familii* [Russian Surnames]. Moscow: Progress.
- Uspenskij, B. A. (1969). *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imion (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)* [From the History of Russian Canonical Names (The History of Stress in Canonical Proper Names in Their Relation to Russian Literary and Colloquial Forms)]. Moscow: Moscow University Press.
- Uspenskij, B. A. (1994). *Izbrannye Trudy* [Selected Works] (Vol. 2). Moscow: Gnozis.
- Vukanović, T. (1940). Lichna imena kod Srba [Personal Names of Serbs]. *Glasnik Etnografskog muzeia*, 15, 56–74.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod Dialect]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received 18 September 2018